

Источник: Кржижановский С. Д. Воспоминания о будущем: Избранное из неизданного/Сост., вступ. ст. и примеч. В. Г. Перельмута.-- М.; Моск. рабочий, 1989.-- 463 с. ISBN 5-239-00304-1
OCR и редакция: [Сергей Кузнецов](#)

1

Москва широка, а тротуары ее узки, оттого Москве и тесно: локти цепляют о локти; портфели тычутся в кули и корзины. Но заполненные тротуары обычно молчаливы. Шумит и грохочет булыжная мостовая, а на пешеходных обочинах тесно, но тихо: слова защелкнуты внутрь портфелей, сложены вчетверо в газетном киоске, запрятаны под картузы и шапки. Но если поднять глаза на 30 градусов вверх, слова тотчас отыщутся.

На писанных красками по железу вывесках вывешено будничное мышление, слова каждого дня, обыденноречие, то самое, что запрятано под двойную крышку, черепа и шапки внизу, в людях, молча спешащих по своим делам:

"ВСЁ ДЛЯ РЕБЕНКА" (там, внизу, для многих тоже);

"УХОД ЗА ДОМОМ";

"ПАРИКМАХЕРСКАЯ ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ХОРОШЕЙ РАБОТЫ" (взгляд на 30 градусов книзу тотчас отыщет и самих любителей, их от дня к дню все больше и больше).

Пивные: "ВСТРЕЧА СОБЕСЕДНИКОВ" -- "АВАНС" -- "DEUX AMIS" -- "СТУДИЯ" (Смоленский рынок) -- "ФАЗИС" -- "ПЛАНЕТА".

Дальше мысли ходить незачем. Над спешащими людьми круглятся нарисованные циферблаты со стрелками, зажившими минуту, и внизу зафиксированная в мозгу минута гонит прохожего вдоль тротуарных лент. Роясь глазами в своеобразном лексиконе, обвисшем своими железными страницами над движением улиц, вам не удастся увернуться от пристального, остановившегося взгляда гигантских нарисованных зрачков, запрятанных под синие стеклянные овалы вывески оптического магазина. И если, высвободив себя из толчков, отойти на мостовую, чтобы длительнее и внимательнее изучить глаза, оторванные от человека и поднятые в воздух, то вскоре убедишься, что выражение их *общегородское*, такое, которое может быть отыскано под полями любой шляпы.

2

Революция слишком участила темп Москвы, чтобы слова и изображения на вывесочных плоскостях могли угнаться за тем, что происходит на огромной горизонтальной площади города с охватом в 35 верст. Вывеска, самая техника изготовления которой, высокая цена материалов и работы, создающих ее, трудность, сопряженная с необходимостью переписать ее (тут имеет значение и состояние погоды), снять для капитальной переработки или замены новой металлической рамой (учитывается и тяжесть),-- естественно, отстает от быстрого течения времени и делается в расчете, конечно, не на историю, а на быт, такой же медлительный, малоподвижный и прочный по материалу, как и она.

Историю обслуживает обычно плакат: нервный, с тонкой бумажной кожей, легко множющийся, меняющий от дня к дню цвета, шрифты и величину. Период революционного лозунга, стремящегося как бы плакатироваться, умеющего доводить величину своих букв и яркость окраски почти до величины и яркости вывесочных текстов, безусловно, оказал влияние и на новую, нэповского периода, вывеску Москвы. Плакат научил рядом с громоздкими, на тяжелых рамах, часто литыми из металла словами, и по сию пору хранящими внутри себя старые "яти" и і,-- подвешивать в воздух легкие, полуплакатного типа буквы, поднимать их, если нужно, на высоту крыш и поперек всей уличной щели оттиснутыми на огромных полотняных лентах. Только недавно появились своего рода "коммерческие афиши", зазывающие в магазины с цилиндрических вертушек, рядом с афишами театра. Даже революция, отдавая свои чисто технические слова и словосочетания железу вывесочных листов, лишь пополняет в том огромном, открытом всегда и для всех музее, каким является сплетение московских улиц, коллекцию анахронизмов. Таковы:

"СОВЕТСКАЯ ВОДОГРЕЙНЯ N 1" (Хитров рынок) или "ПРОДАЖА ДЛЯ ВСЕХ ГРАЖДАН" -- обычная в двадцать первом -- двадцать втором годах надпись, еще и по сию пору сохранившаяся, правда,